

II. RECENZJE

Соколянский М. Г. ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ РОМАН ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ (ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ), Киев—Одесса 1983, стр. 140.

Интерес к проблемам типологии романа на протяжении последних десятилетий продолжает неуклонно возрастать. В советской науке это стало особенно заметным после публикации (столь запоздалой) фундаментальных трудов М. М. Вахтина. Свой вклад в изучение романа внесли такие советские учёные, как А. А. Елистратова, Д. В. Затонский, В. В. Ивашёва, А. Д. Михайлов, А. В. Чичерин и другие, в чьих работах серьёзное теоретическое осмысление материала соединяется с пристальным вниманием к конкретным фактам историко-литературного процесса. Нельзя упускать из виду и крупных достижений западных литературоведов Р. Якобсона, Ц. Тодорова, У. Бута, П. Эрнати, В. Кайзера, Н. Фрая, А. Флакера, хотя не со всеми их выводами и положениями мы можем согласиться.

Ясно и то, что современная теория романа продолжает во многих своих аспектах оставаться спорной, полной противоречивых и нерешённых проблем. Одной из основных среди них является, как заметил советский учёный Л. Г. Якименко, „создание научно обоснованной типологии романа“. Тем более отрадной оказывается публикация новой книги М. Г. Соколянского, посвящённой историкотеоретическому осмыслению основных жан-

ровых модификаций западноевропейского романа эпохи Просвещения.

Автор давно занимается исследованием истории и типологии западноевропейского романа XVIII века, о чём свидетельствуют его предшествующие работы, получившие высокую оценку в научных кругах. Здесь достаточно назвать статьи „Эволюция жанра в драматургии Филдинга“, Поэтика комических эпикей Филдинга” и „Дневник и его роль в генезисе английского романа“, помещённые М. Г. Соколянским в журнале ангlistов ГДР¹, работу *Ритмическая структура „Тристрама Шенди“*², ряд рецензий и переводов в журнале „Вопросы литературы“³, монографию *Творчество Генри Филдинга* (Киев, 1975). В этих и других своих публикациях одесский исследователь предстаёт как вдумчивый и тонкий интерпретатор художественной литературы, владеющий одинаково хорошо самыми разнообразными методами научного анализа, как без-

¹ „Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik“, 1972, Н. 3; 1974, Н. 3; 1980, Н. 4.

² „Durham University Journal“, vol. LXXIII, No 1.

³ См., например: „Риторический мир“ просветительской литературы, „Вопросы литературы“, 1969, № 3; Джозеф Конрад о литературе, „Вопросы литературы“, 1978, № 7; В историко-литературном контексте, „Вопросы литературы“, 1982, № 4; Генри Джеймс о литературе, „Вопросы литературы“, 1983, № 2.

упречный стилист и знаток многих страниц истории мировой литературы.

Помимо трудов, посвящённых проблематике рецензируемой монографии, с интересом читаются, например, его краткие эссе, предваряющие подобранные литературоведом фрагменты из критического наследия Джозефа Конрада и Генри Джеймса. Отдавая должное художественному таланту этих видных англоязычных прозаиков, М. Г. Соколянский подчёркивает в первом из них „славянскую интенсивность художественного видения”, способность Конрада глубоко интуитивно вживаться в эстетические проблемы. Американский же писатель привлекает учёного прежде всего как борец против „идолов рынка” и литературной моды, за идейность и реализм в искусстве романа, за развитие лучших традиций, связанных с именами Филдинга, Диккенса, Теккерея, Джордж Элиот, Тургенева. Попутно замечу, что к совершенно справедливой мысли М. Г. Соколянского относительно отказа Г. Джеймса от позиции „всеведущего романиста” стоило бы добавить, как ещё Теккерей в своей практике романиста пародировал эту самую позицию, правда, не рассуждая о ней в своих критических высказываниях.

В своей новой книге исследователь продолжает развивать основные идеи и положения, намеченные и высказанные в предшествующих его публикациях. Он опирается на принципиально важное положение видного польского жанролога Стефании Скварчиньской, которая пишет, что способность жанра романа к активному развитию и обновлению стимулирует „кристаллизацию различнейших его модификаций и субмодификаций”. При этом важно учесть то, что, вопреки мнению известного литературоведа В. Днепровца, роман не становится литературным родом, а сохраняет статус именно жанра.

Давая по необходимости сжатый и в то же время очень чёткий обзор разнообразных и зачастую достаточно

пёстрых принципов классификаций романа, принадлежащих У. Буту, В. Кайзеру, Э. Мюиру, Н. Фрау, Э. Штайгеру, Ф. Штанцелю и другим учёным, М. Соколянский кладёт в основу своей концепции выдвинутый ещё Гегелем тезис о конфликте как основе романной структуры и дополняет его бытующим в новейшем литературоведении положением, согласно которому типологию романа в самом крупном ее делении следует строить, исходя из того, в какой сфере этот конфликт реализуется. Доказательству этой глубоко продуманной мысли, её многостороннему обоснованию и служит вся книга.

Интересна и оригинальная избранная автором методология исследования, которая, впрочем, подсказана ему практикой современной филологической науки. Это „историко-теоретический”, по выражению академика А. С. Бушмина, подход, интегрирующий вполне традиционные историко-литературные студии с поисками дедуктивных решений в сфере романной типологии. Такая позиция предполагает владение самыми различными способами анализа материала — от классических до новейших, а умение оперировать ими М. Соколянский продемонстрировал уже в своей монографии о Генри Филдинге.

Эта позиция предполагает и проверку этики учёного, так как обращение к различным методам исследования может привести его к не согласующимся до конца выводам. Автор книги выходит из этого положения с честью. Он заранее предупреждает читателя, что представленные в его книге „семантические поля определений разных жанровых модификаций могут пересекаться, а один и те же произведения... могут быть отнесены к различным классам”. Автор, однако, уверен, что этот „грех”, свойственный и другим классификациям, не помешает ему дать чёткое типологическое описание ряда романских модификаций, „выделить системообразующие признаки в их соотношении и тем са-

мым приблизиться к нахождению единого критерия типологической классификации романа". Честность и мудрая осторожность в решении труднейших задач — так можно характеризовать позицию автора.

О способе и степени решения поставленных проблем многое говорит и сама структура рецензируемой книги. Знатор проблем романного жанра, М. Соколянский тщательно продумал жанр собственной работы. Он называет её „очерками", и это вполне справедливо, так как ограниченный объём издания не позволил автору коснуться некоторых важных жанровых модификаций романа Просвещения — романа воспитания, философского романа и т.д. Но это очерки, выстроенные в строго продуманную систему. Первый из них — „Мемуары, дневник, роман" — знакомит нас с некоторыми исходными и еще внероманными жанрами, сыгравшими свою роль в формировании просветительского романа. Далее идет анализ „авантюрного романа", который в концепции автора воспринимается как стадияльно первичная форма романа XVIII века. Затем по степени нарастания сложности жанром одифицирующих признаков идут роман „большой дороги" и психологический роман. Вся эта во многом гетерогенная группа романов имеет, по мысли исследователя, один принципиально общий признак: в них „все действие замкнуто в рамки достоверного", правдоподобного. И это резко ограничивает их от романа фантастического, анализу которого посвящен последний очерк в работе М. Соколянского. Его „очерки" образуют серьезно продуманную монографию — примерно так же, как (если воспользоваться несколько вольным художественным сравнением) „очерки пером и карандашом" Теккерея выстроились в роман *Ярмарка тщеславия*.

Представляется бесспорным главный вывод автора о том, что именно „в сфере реализации конфликта следует[...] искать основу своеобразия той

или иной разновидности романа", а конкретными параметрами этой сферы реализации конфликта в романе являются прежде всего художественное время и художественное пространство в их диалектической взаимосвязи. Развивая и уточняя концепцию М. М. Бахтина о романном хронотопе, М. Соколянский в качестве дополнительных признаков к нему выдвигает следующие: „1) тип героя и его отношение к сюжетно-ситуативному контексту и 2) отношение повествователя к событийному ряду и произведению".

Конечно, как оговаривается исследователь, такой вывод он пока не экстраполирует на жанровые разновидности романа, не попавшие в поле его научного анализа. Но уже и сейчас можно сказать, что эта мысль очень продуктивна как стимул к дальнейшему разворачиванию типологических изысканий. Вспомним, что у самого М. Бахтина в его *Очерках по исторической поэтике* намечено представление о различных видах хронотопов, среди которых можно выделить хронотоп сюжета, хронотоп героя и хронотоп повествователя. Такое членение, как нам кажется, перекликается с выводами М. Соколянского: различные способы взаимодействия этих хронотопов в границах одного романа и помогут уточнить его жанромодифицирующие признаки.

Хотелось бы сделать несколько замечаний по поводу конкретных наблюдений и отдельных теоретических положений рецензируемого труда. В первом очерке автор очень точно проводит границу между мемуарным и дневниковым жанрами, выделяя дневник как „первичную форму" мемуарной литературы и как жанр, который в английской литературе „исторически предшествует роману, будучи старше приблизительно на полвека". Далее идет очень интересный анализ некоторых произведений Дефо, позволяющий выявить в них ту тенденцию к созданию духовных автобиографий и дневников, которая прояви-

лась еще в XVII веке среди английских пуритан. Тут хотелось бы, чтобы автор, опираясь на прекрасно известные ему работы немецкого философа В. Дильтея, сказал хотя бы немного о той громадной роли, которую в дальнейшем играют в английской литературе — да и не только в английской! — жанры автобиографии, дневника, мемуаров. Вывод М. Соколянского о том, что лишь „отдельные элементы мемуарной и дневниковой форм” использовались в дальнейшем романистами Запада, нуждается в корректировке. Разве не представлены эти „элементы” широко в романном творчестве. Ч. Метьюрина, Мери Шелли, Э. Бульвера-Литтона, сестёр Бронте и других авторов? Как сказал У. Теккерей, „наши книги — это дневники, в которых неизбежно и вопреки нашей воле запечатлеваются наши чувства”. Конечно, слово „дневник” в этом высказывании не является жанровым определением, но существенный аспект его входит в поздние романы автора Пенденниса и Генри Эсмонда.

Одним из главных достоинств исследовательского метода М. Соколянского является его способность вырабатывать чёткие и логически безупречные дефиниции, на основе которых он и строит свой анализ. Так, рассуждая об авантюрном романе, ученый не дает себя запутать в его бесчисленных взаимопересекающихся модификациях и субмодификациях („авантюрно-бытовой”, „авантюрно-плутовской и т.д.); опираясь на определение Ю. Лотмана, он понимает „авантюру” как „крайне резкое перемещение” персонажа через границу семантического поля. При этом его определения, как и весь ход мысли, пронизаны историзмом. Ведь авантюра как „событие чрезвычайное” (по определению, данному в знаменитой *Энциклопедии Дидро*) в различные эпохи понималась по-разному; одно и то же событие может в одном контексте рассматриваться как „авантюра”, в другом — как норма поведения. Очень важен и учёт жанро-

образующих факторов. Так, если в авантюрном романе необычные путешествия служат жанромодифицирующим началом, то в романе фантастическом, типа *Путешествий Гулливера*, они играют лишь роль сюжетных связей.

И в заключение еще одно замечание по поводу намеченной исследователем классификации романов Просвещения. Он пишет, что в романе авантюрном и психологическом, а также в романе „большой дороги” всё действие „замкнуто в рамки достоверного”, „всё необычайное облачено в одежды достоверности и возможности” — в отличие от фантастического романа, где фантастика либо обнажена, либо иным путём подсказана читателю. Это верно, но автору следовало бы в данном случае в большей степени учесть сложность категории художественной условности. Ведь если, как он пишет, в *Робинзоне Крузо* „фантастика загромождена под реальность”, то и Свифт в *Путешествиях Гулливера* затратил не меньше усилий, гримируя свою фантастику в понятия здравого смысла и науки своего времени. И сатирик добился поразительного эффекта парадоксального правдоподобия! Тут и был бы уместен разговор о различных типах и стадиях условности, связанной с понятием хронотопа.

В краткой рецензии невозможно охватить все проблемы, решенные и затронутые в книге М. Соколянского. Хотелось бы сказать еще о его оригинальной концепции готического романа, о тонком проникновении исследователя в жанровую природу знаменитого романа аббата Прево, о выявляемых им оппозициях персонажей и диалектике их взаимоотношений в романах „большой дороги” и о многом другом. Но и сказанного, на мой взгляд, достаточно, чтобы сделать вывод о серьёзной научной значимости рассматриваемой работы, которая вносит весомый вклад в исследование типологии романа.

Владимир Вахрушев